

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ,

БАЙРОНА.

L'univers est une espèce de livre dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre que j'ai trouvés également mauvaises. Cet examen ne m'a point été infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinances de peuples divers parmi lesquelles j'ai vécu m'ont reconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui là, je n'en regretterais ni les frais, ni les fatigues.

Le Cosmopolite.

ВЪ ЯНТѢ (*)

Ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ я блуждалъ когда-то,
Гдѣ красота царитъ до нынѣ свято,
Ни въ тѣхъ мечтахъ, когда являлись мнѣ
Видѣнья чудныя въ какомъ-то смутномъ свѣтѣ,—
Въ фантазій плѣнительной, во свѣтѣ ли —
Тебѣ подобную мечты создать не смѣли.
Ты предо мной въ сіяньи красоты!
О, мнѣ-ли передать твои черты!
Кто зналъ тебя—такъ нужны-ли слова имъ?
А кто не зналъ—мы словъ для нихъ не знаемъ.

(*) Леди Шарлотъ Герлей, дочери графа Оксфорда, которой въ то время (въ 1812 году) минуло только одиннадцать лѣтъ.

Когда бъ всегда ты красотой сіяла,
 И юности своей не измѣняла,
 И сохранила дѣтства чистоту,
 И прелесть формъ и дѣтскую мечту!
 Ты на землѣ, вся вѣя ароматомъ,
 Явилась намъ амуромъ безкрылатымъ!
 Конечно, мать, вскормившая тебя,
 О будущемъ заботясь и любя,
 Найти въ тебѣ ту радугу желала,
 Которая всѣ скорби умирала.

* * *

Я радъ тому, о Пери молодая,
 Что пережилъ тѣ юные года я,
 Когда кипѣлъ огонь въ моей крови,
 Что на тебя смотрю я безъ любви;
 Я радъ тому, что твой закатъ печальный
 Не встрѣчу я улыбкою прощальной;
 Я счастливъ тѣмъ, что твой прекрасный взоръ
 Не страшенъ мнѣ, какъ смертный приговоръ
 Для юношей, которымъ жизнь постыла,
 Когда ты ихъ улыбкой не дарила.

* * *

Твои глаза, глаза твои газели, —
 Которые зъ мечтахъ или въ весельи
 То блещутъ вдругъ, то ярко загорятъ, —
 Пусть иногда на трудъ мой поглядятъ;
 И изрѣдка, быть можетъ, хоть ошибкой,
 Ты на него взгляни съ своей улыбкой.
 За чѣмъ свой трудъ тебѣ я посвящалъ —
 Не спрашивай! Я только бы желалъ,
 Чтобы вплелась ко мнѣ въ вѣнокъ надгробный
 Лиля нѣжная, которой нѣтъ подобной.

* * *

Здѣсь имя Янты съ пѣснями сольется
 И будетъ жить; когда же разнесется
 О нихъ воспоминаніе, какъ дымъ —
 То не случится съ именемъ твоимъ.

А если-жъ дни мои сочтутся въ мѣрѣ,
 Тогда коснись перстами ея въ лирѣ...
 Вотъ все, о чемъ такъ просить твой поэтъ,
 Тебя узнавшій съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Вотъ все, чего душа моя желала
 И дружба въ тихомолку подсказала.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

О, муза! нѣкогда въ Элладѣ
 Неборожденной ты слыла!
 Тебя, лишь празднои скуки ради,
 Мечта поэтовъ создала!
 Ужъ сколько разъ твой слухъ терзали
 Напѣвы ихъ нестройныхъ лиръ,
 Что я теперь рѣшусь едва-ли
 Нарушить твой священный миръ.
 Хотя Дельфійскія руины
 И твой ручей, и твой алтарь
 Я посѣщалъ когда-то встарь,
 Но не тревожа безъ причины
 Всѣхъ девяти заснувшихъ музъ, —
 За повѣсть скромную примусь.

II.

Въ странѣ туманной Альбіона
 Жилъ прежде юноша: онъ былъ
 Вполнѣ шалунъ „дурнаго тона“,
 Который оргіи любилъ,
 Надъ добродѣтелью смѣялся,
 Разгуламъ ночи посвящалъ,

Отд. I.

6

И все, съ чѣмъ въ жизни онъ встрѣчался —
 Онъ равнодушно отвергалъ,
 И жилъ, поклонникъ наслажденій,
 Не зная дѣла и трудовъ,
 Среди вакхическихъ пировъ,
 Среди любовныхъ похожденій
 И только отдыхъ находилъ
 Въ кругу любовницъ и кутилъ.

III.

Онъ Чайльдъ-Гарольдомъ назывался.
 Здѣсь говорить я не хочу,
 Чѣмъ предокъ Чайльда занимался:
 Объ этомъ просто умолчу.
 Могу одно сказать: былъ знатенъ
 Его почтенныхъ предковъ родъ,
 И гербъ ихъ переданъ безъ пятенъ
 Ему въ наслѣдство. Въ свой чередъ —
 Гербъ каждый можно такъ ославить
 Единымъ маленькимъ грѣхомъ,
 Что ужъ бѣды никто потомъ
 Не въ состояннн исправить:
 Ни геральдическнй мудрецъ,
 Ни сладкой пѣснею пѣвецъ.

IV.

Гарольдъ кружился въ вихрѣ свѣта
 Безъ опасеній, безъ борьбы...
 Такъ въ ясный день, подъ солнцемъ лѣта,
 Кружится муха. Онъ судьбы
 И не боялся вовсе даже,
 И праздность вольную любя,
 Безпечно жилъ всегда, — судьба же
 Ждать не заставила себя:
 Еще далекъ до разрушенья,
 Еще въ цвѣтушіе года
 Онъ заразился на всегда
 Ужасной скукой пресыщенья.

Съ тѣхъ поръ душѣ его больной
Противень сталъ весь край родной.

V.

Во всѣхъ грѣхахъ не разъ плутая,
Онъ ихъ ничѣмъ не искупилъ,
О многихъ женщинахъ вздыхая,
Одну лишь только онъ любилъ.
Увы! успѣхами балуемъ,
Онъ только ей не обладалъ,
Своимъ преступнымъ поцѣлуемъ
Ея щеки не запятналъ,
Не бросилъ жертвой святотатства
Для новыхъ женщинъ и тревогъ
И въ мотовствѣ сгубить не могъ
Ея наслѣдныя богатства;
Имъ не была осквернена
Семейной жизни тишина.

VI.

Пресытивъ бурныя желанья,
Гарольдъ разгуламъ измѣнилъ.
Порой кипѣли въ немъ рыданья,
Но онъ ихъ тотчасъ-же давилъ
И думалъ, скукою томимый,
Желанье это не тая,
Покинуть берегъ свой родимый,
Уѣхать въ теплые края,
На кораблѣ пуститься въ море.
Казалось, жизнью пресыщенъ,
Доволенъ очень былъ бы онъ
Для развлеченья встрѣтить горе,
И чтобъ разсвѣяться, былъ радъ
Спуститься даже въ самый адъ.

VII.

Онъ бросилъ замокъ свой наслѣдный.
Хоть старый замокъ видъ имѣлъ .

Полуразрушенный и бѣдный,
 Но предокъ выстроить умѣлъ
 Домъ этотъ прочно и солидно.
 Былъ монастырь когда-то тутъ, —
 И оскорбленъ теперь обидно
 Благочестивый тотъ пріютъ.
 Гдѣ жизнь текла чужда веселій,
 Гремѣлъ теперь паѳосскихъ дѣвъ
 Шальной, вакхическій напѣвъ.
 Могли-бъ подумать старцы келій,
 (На нихъ привыкли клеветать)
 Что время ихъ пришло опять.

VIII.

Не разъ средь буйнаго собранья
 Гарольдъ сидѣлъ и хмурилъ бровь,
 Какъ будто прошлое страданье,
 Иль оскорбленная любовь
 Въ немъ просыпались на мгновенье,
 Но уловить никто не могъ
 Его душевнаго движенья
 И думъ его не подстерегъ.
 Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
 Онъ пылкой дружбѣ не ввѣрялъ
 И человекъ не искалъ
 Для изліяній откровенныхъ,
 Хотя бы гордая тоска
 Была, какъ море глубока.

IX.

Онъ былъ одинъ. Хоть на банкеты
 Онъ звалъ гостей со всѣхъ концовъ,
 Но видѣлъ въ нихъ одни примѣты
 Лишь паразитовъ и льстецовъ.
 Увы! любовницами даже
 Онъ былъ любимъ, какъ щедрый мотъ, —
 Онъ измѣнился—и тогда же
 Сокрылся вѣтранный вротъ.

Какъ мотыльки — созданья эти
 Всегда бросаются на свѣтъ,
 И гдѣ Мамонъ кроложить слѣдъ,
 Не опасаясь тайной сѣти,
 Тамъ опечаленъ, недвижимъ
 Опустить руки серафимъ.

X.

Бидая берегъ свой родимый,
 Гарольдъ, всегда любившій мать,
 Не обнялъ матери любимой
 И не пришелъ сестры обнять.
 Въ кружкѣ знакомыхъ не слышали
 Его «прости»!... не потому,
 Чтобъ сердце, словно какъ изъ стали,
 Природой сковано ему.
 Нѣтъ, кто любилъ, тотъ знаетъ муку,
 Какъ безконечно тяжело
 Лобзать любимое чело,
 Предвидя долгую разлуку.
 Свиданье боли не уйметъ,
 Но только сердце разобьетъ.

XI.

Итакъ, Гарольдъ безъ сожалѣнья
 Покинулъ замокъ и родныхъ,
 Свою отчизну и имѣнья,
 И рой красавицъ молодыхъ,
 Имъ позабытыхъ безъ привѣта,
 Хотя ихъ взоры, рѣчи звукъ
 И бѣлый мраморъ вѣжныхъ рукъ
 Свели-бъ съума анахорета.
 Для неизвѣстныхъ новыхъ странъ
 Онъ позабылъ пиры разгула,
 Чтобъ переплыть черезъ океанъ,
 Чтобъ побывать у стѣнъ Стамбула,
 Чтобъ знойный климатъ испытать
 И чрезъ экваторъ миновать.

XII.

Ужь паруса надулись ровно,
 И вѣтерокъ по струйкамъ водъ
 Игралъ и радовался словно,
 Что Чайлда въ море унесетъ.
 Скалистый берегъ потерялся
 Подъ пѣной волнъ и уплылъ въ даль,
 И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не признался
 Что край родной покинуть жаль,
 Но это было на мгновенье,
 И, затаивъ невольный стонъ,
 Въ тотъ мигъ себя не выдавъ онъ
 Единимъ словомъ сожлъвнѣя,
 А вокругъ него народъ стоналъ
 И малодушно трепеталъ.

XIII.

Когда же солнце скрылось въ море,
 Герой нашъ арфу въ руки взялъ,
 Которой радости и горе
 Въ уединеньи повѣрялъ.
 До звучныхъ струнъ коснулись руки,
 Аккорды тихо полились
 И въ тишинѣ по морю звуки
 Прощальной пѣсней понеслись.
 Летѣлъ корабль, какъ окриленный,
 На бѣлоснѣжныхъ парусахъ,
 Всплывала ночь на небесахъ,
 И скрылся берегъ отдаленный,
 А Чайльдъ-Гарольдъ зеленый валъ
 Прощальной пѣснею встрѣчалъ:

1.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
 Родимаго берсга видъ;
 Волна за волною реветъ въ перебой
 И дикая чайка кричить.

Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
 Торонится отдыхъ найти...
 Прости и тебѣ, какъ родимой странѣ!..
 Мой край! доброй ночи! прости!

2.

Часы пролетятъ и опять надо мной
 Румяное солнце всплыветъ,
 Вновь день я увижу, но берегъ родной
 Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
 Сталъ пусть и заброшенъ печальный мой домъ,
 Огонь разведенный зачахъ,
 И стѣны травой заростають кругомъ,
 И воетъ мой песь въ воротахъ.

3.

— Мой маленькій пажъ! подойди же ко мнѣ!
 О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
 Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
 Иль холоденъ вѣтеръ морской?
 Утри-жь свои слезы, будь весель опять,
 Корабль нашъ построенъ легко,
 И еслибы соколъ насъ вздумалъ догнать,
 Остался бы онъ далеко.

4.

— «Не страшны мнѣ бури, пусть волны ревутъ,
 Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
 Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
 Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
 Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
 И мать со слезами въ глазахъ,
 Остались друзьями мнѣ: ты лишь одинъ,
 Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

5.

«Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
 Хоть холоденъ былъ его взглядъ,

Но мать моя будетъ вдыхать твоего,
 Пока не вернусь я назадъ.“
 — „Довольно, малютка! Понять я умѣлъ,
 Что слезы такія — не стыдъ,
 И еслибъ я чистое сердце имѣлъ,
 Я самъ бы заплакалъ на взрыдъ.

6.

„Поди же ко мнѣ ты мой вѣрный слуга!
 Въ лицѣ твоёмъ блѣдность видна!
 Ужь ты не боишься-ль француза врага?
 Иль буря тебѣ такъ страшна?“
 — „Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
 Что стану за жизнь я робѣть,
 Нѣтъ, мысль о покинутой, бѣдной женѣ —
 Меня заставляетъ блѣднѣть.

7.

„Близъ замка отцовъ твоихъ, съ мукой въ лицѣ,
 Пришло мнѣ дѣтей покидать,
 Теперь, если спросятъ они объ отцѣ —
 Что можетъ отвѣтить имъ мать?“
 — „Довольно, мой добрый служитель, ты правъ.
 Печаль твоя — стоитъ похвалъ,
 Но я, — не таковъ легковѣрный мой правъ, —
 Смѣясь край родной покидалъ.

8.

„О, что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
 И долго ли женщина ждетъ?
 Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
 Рчерашнія слезы сотреть.
 Не жаль мнѣ дней счастья въ родной сторонѣ,
 Не гнусь я при видѣ грозы,
 Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
 Сронить не единой слезы.

9.

„Я вновь одинокъ, какъ въ былые годъ,
 Одинъ посреди этихъ водъ.
 Въ чему жъ о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнетъ.
 Не долго мой песь будетъ выть и скучать,
 Найдеть новый уголь и кровь,
 И если вернусь я — меня разорвать
 Песь собственный будетъ готовъ.

10.

„Корабль мой! Неси же меня по волнамъ!
 Пусть море кипитъ подо мной!..
 Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ —
 Лишь только бь не въ край мой родной.
 Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
 А ихъ не увижу въ пути —
 Привѣтъ мой пустынямъ, пещерамъ, горамъ...
 Мой край! доброй ночи! прости!

XIV.

Корабль летитъ, волна бурлива
 И вѣтеръ рѣзче и сильнѣй
 Вблизи Бискайскаго залива;
 Корабль летитъ уже пять дней,
 Но берегъ всталъ изъ за тумана.
 О, Циптра! вотъ зубцы твои!
 Вотъ Таго данью океана
 Мчатъ золотистыя струи.
 Вотъ на корабль взошли съ привѣтомъ
 Изъ Лузитанцевъ лоцмана
 И плодоносная страна
 Открылась залитая свѣтомъ,
 Гдѣ поселяне въ полѣ жнутъ,
 Кончая свой поденный трудъ.

XV.

О, Боже! Небо не скупилось
 Для этих мѣсть въ своихъ дарахъ...
 Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
 Что за окрестности въ горахъ!
 Лишь нечестивыми руками
 Здѣсь человекъ все портить могъ.
 Когда Перунъ за облаками
 Подниметъ бичъ свой на порокъ,
 На всѣхъ идущихъ противъ рока,
 То онъ ударить съ вышины
 На притѣснителей страны
 И Галлъ, наказанный жестоко
 Рукой незримаго врага,
 Покинетъ эти берега.

XVI.

О, какъ хорошъ при первомъ взглядѣ
 Весь этотъ городъ Лиссабонъ,
 Когда во всей своей громадѣ
 Въ рѣкѣ бываетъ отраженъ.
 Намъ ту рѣку во время оно
 Пѣвцы хвалили безъ стыда,
 По ней теперь изъ Альбіона
 Плывають могучія суда
 Спасать отъ галловъ славу юга,
 Но лузитанецъ гордъ и дикъ
 И отличать онъ не привыкъ
 Врага отъ истиннаго друга,
 И въ тихомолку проклянетъ
 Своихъ спасителей приходъ.

XVII.

Когда же съ этимъ градомъ дивнымъ
 Мы ознакомимся вблизи —
 Онъ намъ покажется противнымъ:
 Дворцы и хижины въ грязи
 Бругомъ въ одну столпились груду,

И еслибъ путникъ только могъ
 Пройти весь городъ этотъ — всюду
 Онъ мерзокъ вдоль и поперегъ.
 Толпа гражданъ немыхъ, праздныхъ
 Отъ дѣни рубища влачить,
 Ничто ее не устрашить:
 Она не сброситъ платьевъ грязныхъ,
 Хотя бъ на встрѣчу шла сама
 Египта страшная чума.

XVIII.

Рабы презрѣнные, къ которымъ
 Такъ щедры были небеса!
 Природа! Ихъ ли, ихъ ли взорамъ
 Цѣнить всѣ эти чудеса?
 Здѣсь Цинтра смотритъ новымъ раемъ,
 Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ!
 Какой поэтъ намъ дастъ одинъ
 Хотя намекъ на ту природу,
 Передъ которою блѣдна
 Та неизвѣстная страна,
 Пѣвцомъ открытая народу,
 Когда онъ смертныхъ удивилъ
 И имъ Элизіумъ открылъ.

XIX.

Цѣпь голыхъ скалъ идетъ рядами;
 Тамъ монастырь, склонившись внизъ,
 Своими бѣлыми стѣнами
 Надъ самой бездною повисъ;
 Деревьевъ тѣнь по горнымъ скатамъ,
 Сожженный мохъ на крутизнѣ
 И съ вѣчнымъ мракомъ, съ ароматомъ
 Долины въ мертвой тишинѣ;
 Сверканье моря голубаго
 И апельсиновыхъ рошъ нарядъ,
 И изумрудный виноградъ,
 И ревъ потоковъ, — здѣсь все ново!
 Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
 И восхищаетъ и дивитъ.

XX.

Но выше по тропинкѣ горной
 Идите вверхъ, смотря назадъ,
 Чтобъ той природой благотворной
 Еще полнѣй упился взглядъ.
 А тамъ, одна изъ тѣхъ тропинокъ
 Ведетъ къ стѣнамъ монастыря;
 Здѣсь васъ съ мощами встрѣтитъ инокъ,
 Свои легенды говоря:
 Вотъ тутъ погибли изувѣры, —
 Ихъ за нечестье рокъ сразилъ,
 А тамъ Гонорій прежде жилъ,
 Спаслись желавшій въ тѣмъ пещеры,
 Въ адъ обратившій жизнь свою,
 Чтобъ быть впоследствии въ раю.

XXI.

Блуждая по уступамъ этимъ
 Среди пустынныхъ, дикихъ мѣсть,
 Мы по дорогѣ часто встрѣтимъ
 Воткнутый въ землю скромный крестъ.
 Но онъ есть только слѣдъ ужасныхъ
 Ночныхъ убійствъ, —уже потомъ,
 Найдя останки жертвъ несчастныхъ,
 Ихъ погребаютъ подъ крестомъ.
 Здѣсь встрѣтитъ путникъ удивленный
 Такихъ могилъ несчетный рядъ,
 И тѣ могилы говорятъ,
 Что въ той странѣ окровавленной
 Законъ усталый тупо спитъ
 И жизни гражданъ не хранить.

XXII.

Въ долинахъ замки видны нами,
 Въ нихъ прежде жили короли,
 Теперь же дикими цвѣтами
 Они капризно заросли,
 Но слѣдъ величья ихъ остался...
 Вотъ „замокъ принца“ тамъ стоитъ.

Не ты-ль здѣсь жизнью наслаждался,
 Ты, Ватекъ—нашъ богатый Бритъ?
 Не здѣсь ли, жизнью наскуча,
 Ты создалъ свой земной эдемъ?
 Но объ одномъ забылъ межъ тѣмъ:
 Что какъ богатство не могуче,
 Но и ему,—вездѣ равно, —
 Надъ жизнью власти не дано.

XXIII.

Внизу горы, въ жилищѣ этомъ
 Ты жилъ, всѣхъ прихотей творецъ...
 Теперь, какъ проклятый всѣмъ свѣтомъ,
 Стоитъ пустынный твой дворецъ,
 И нѣтъ слѣдовъ минувшей славы!
 Какъ ты, онъ сталъ и пусть и нѣмъ,
 Лишь колоссальной рощю травы
 Путь загораживаютъ всѣмъ
 Бъ раскрытымъ портикамъ и заламъ...
 Какой торжественный урокъ
 Для всѣхъ, кто только думать могъ
 О счастьѣ, безконечно маломъ,
 Которое кладеть въ гроба
 Неумолимая судьба.

XXIV.

Вотъ замокъ. Здѣсь,—то каждый знаетъ,—
 Сошлись вожди *) и съ давнихъ поръ
 Видъ замка этаго смущаетъ
 Британца смѣлый, гордый взоръ.
 Смотрите: тамъ, съ улыбкой адской,
 Обвить пергаментомъ кругомъ,
 Сидить, надѣвъ колпакъ дурацкій,
 Чертенокъ маленькій,—на немъ
 Висятъ печать и свитокъ черный,
 Гдѣ видѣнъ рядъ гербовъ, именъ
 Извѣстныхъ рыцарей,—и онъ
 На нихъ указывалъ проворно,
 Лукаво надписи читалъ
 И непритворно хохоталъ.

---

*) Въ этомъ замкѣ была подписана центрская конвенція.

XXV.

Конвенція—название бѣса.
 Въ томъ замкѣ на смѣхъ онъ собралъ
 Всѣхъ гордыхъ рыцарей конгресса
 И ихъ надежды осмѣялъ.
 Здѣсь побѣдитель покорился
 И предъ безуміемъ поникъ
 И вновь спасителемъ явился
 Дипломатическій языкъ.
 О, лавры, лавры! вы обидны
 Героямъ нашимъ навсегда!
 Срамъ побѣдителю, когда
 Онъ растеряется постыдно
 И клонить голову въ странѣ,
 Имъ покоренной на войнѣ.

XXVI.

Съ тѣхъ поръ, о Цинтра,—не забудутъ
 Тебя британцы никогда,
 И, если могутъ, долго будутъ
 Сгарать отъ тайнаго стыда
 Вожди грядущихъ поколѣній,
 Побѣдоносные вожди...
 Нѣтъ, стыдъ безславныхъ поражений
 Суда потомства подожди,
 Когда смѣясь припомнятъ внуки,
 Какъ побѣдитель уступилъ,
 Какъ побѣжденный врагъ смутилъ
 Побѣды радостные звуки,
 Смялъ гордый лавръ ея вѣнковъ
 И бросилъ на позоръ вѣнковъ.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, не безъ кручины
 Бродя одинъ средь этихъ скалъ
 И хоть прелестныя картины
 По всюду взоръ его встрѣчалъ,
 Но онъ, какъ ласточка, скучая,

Рвался все дальше, въ край иной,
 И чаще думы на бѣгая
 Терзали умъ его больнои,
 И не безъ горькаго презрѣнья
 Припоминалъ Гарольдъ тогда
 Мелькнувшей юности года —
 Что прожилъ ихъ безъ сожалѣнья
 Въ чаду безумствъ, въ чаду проказъ,
 И взоръ его темнѣлъ не разъ.

XXVIII.

Коня скорѣй! И покидаетъ
 Онъ этотъ край и мирный кровъ,
 Онъ мрачнымъ грезамъ измѣняетъ,
 Но не для женщинъ и пировъ.
 Спѣшить—куда?—безъ цѣли мчится
 Впередъ, впередъ, куда нибудь,
 Не зная самъ, гдѣ прекратится
 Его капризный, долгій путь.
 Не мало мѣстъ и видовъ разныхъ
 Передъ собой увидитъ онъ,
 Пока не будетъ утомленъ
 Картиной странъ разнообразныхъ
 И долгимъ опытомъ, пока
 Еще сильна его тоска.

XXIX.

Но вотъ и Мафра. Въ вихрѣ танцевъ
 Здѣсь слышенъ былъ церковный хоръ,
 Здѣсь королева лузитанцевъ
 Жила, оплакавъ свой позоръ;
 Мѣшались здѣсь пиры и мессы
 И составляли дворъ одинъ
 И куртизанки и повѣсы
 И рядомъ—мрачный капуцинъ.
 Здѣсь вавилонская блудница
 Себѣ построила чертогъ, —
 Здѣсь позлащенный твой порогъ,
 Въ крови купавшаяся жрица —
 Толпу къ ногамъ твоимъ бросалъ
 И рабскій трепетъ возбуждалъ.

XXX.

Такъ между горъ, цвѣтущей нивой
 Шелъ Чайльдъ-Гарольдъ впередъ, впередъ..
 О, для чего въ странѣ счастливой
 Народъ свободный не живетъ?
 Нѣтъ, для однихъ лѣвнѣевъ, дома
 Жалѣвшихъ кинуть свой диванъ,
 То наслажденье не знакомо:
 Бродить подъ небомъ разныхъ странъ
 Съ однимъ желаніемъ упорнымъ —
 Иныя думы испытать,
 Все знать, все видѣть и дышать
 Всей грудью воздухомъ нагорнымъ...
 Одинъ флегматикъ лишь не могъ
 Понять всю прелесть тѣхъ тревогъ.

XXXI.

Но плодоносныя долины
 Все рѣже, рѣже видитъ взоръ,
 И вотъ испанскія равнины
 И безконечный ихъ просторъ
 Кругомъ открылся нашимъ взглядамъ.
 И новый край суровъ и глухъ:
 Средь поля гладкаго за стадомъ
 Лишь кое-гдѣ бредеть пастухъ.
 Онъ долженъ быть вооруженнымъ,
 Чтобъ защищать своихъ овецъ,
 За тѣмъ, что изъ конца въ конецъ
 Предъ цѣлымъ краемъ разореннымъ
 Прошелся врагъ—и весь народъ
 Теперь его прихода ждетъ.

XXXII.

Тамъ, гдѣ слились между собою
 Двѣ враждовавшія страны,
 Какой же гранью роковою
 Онъ теперь раздѣлены?
 Что дѣлать ихъ? Въ зубцахъ Сиерра?
 Иль Таго мощная волна?

Иль колоссальнаго размѣра
 Вновь возведенная стѣна?
 Тамъ нѣтъ ни стѣнъ, ни рѣчки быстрой,
 Ихъ межъ собой не раздѣлягъ
 Огромный рядъ высокихъ скалъ,
 Подобно вѣпи той гористой,
 Которой галльская страна
 Отъ южныхъ мѣстъ отдѣлена.

XXXIII.

Но между ними пробѣгаетъ
 Едва замѣтный ручеекъ.
 Какъ звать его?—никто не знаетъ,
 Но онъ для нихъ границей легъ
 И здѣсь журчитъ, переливаясь
 Вдоль ненавистныхъ береговъ...
 Порой, на носохъ опираясь,
 Пастухъ глядитъ въ страну враговъ
 Своимъ гнѣвно гордымъ взоромъ...
 Любой испанскій селянинъ
 Смотрѣлъ, какъ истый властелинъ,
 На край, задавленный позоромъ:
 Неужли съ нимъ никогда-бъ
 Несчастный, лузитанскій рабъ.

XXXIV.

Когда жъ вдали, среди тумана,
 Ушла граница та—и вотъ
 Явилась мрачно Гвадіана
 Съ журчаньемъ тихихъ, грустныхъ водъ.
 На берегахъ ея когда-то
 Сходился съ рыцарями Мавръ,
 Сверкали кованые латы
 И обливался кровью лавръ.
 Спасался бѣгствомъ побѣжденный
 За склономъ варятаго холма
 И мусульманская чалма
 И гордый шлемъ окровавленный

Во слѣдъ за ней въ рѣку летѣлъ,
Гдѣ мчалась гряда мертвыхъ тѣлъ.

XXXV.

Прекрасный край любви и славы!
Здѣсь знамя поднялъ самъ Пелагъ,
Когда отецъ презрѣнный Кавы (*)
Пришелъ съ дружинами, и врагъ
Окрасилъ кровью горъ долины.
Гдѣ жъ флаги грозные войны?
Держали ихъ твои сыны,
Разбивши дерзкія дружины.
О, какъ тогда средь вѣтвъ мѣстъ
Сіялъ, горѣлъ надъ всею страшою
Побѣдоносный, яркій крестъ
Предъ потухавшею луною,
А въ Африкѣ носился стожъ
Рыдавшихъ мавританскихъ жожъ.

XXXVI.

Но сохранился-ль въ пѣсняхъ края
Минувшій блескъ твоихъ побѣдъ?
Дѣла героевъ разбирая,
Онѣ однѣ хранятъ ихъ слѣдъ.
Сотрется въ пылъ стѣна гранита,
Умрутъ историки страны,
Лишь только въ пѣсняхъ не забыта
Бываетъ слава старины.
О, гордость! Знай: языкъ преданья,
Какъ лесть, которая ужъ спитъ,
Ни для кого не сохранить
Величья прошлаго сіянья,
Но то величіе въ народъ
Въ бессмертныхъ пѣсняхъ перейдетъ.

XXXVII.

Сыны Испаніи, проснитесь!
Оружье въ руки и впередъ!

..(*) Дочь графа Юліана.

На крикъ призывный отзовитесь:
 Впередъ! васъ рыцарство зоветъ.
 Ужь нынче съ дерзостью бывалой
 Не машеть копьями оно,
 Надъ свѣтлымъ племомъ хвостъ кровавый,
 Не развѣвается давно,
 Но подъ раскаты пушки мѣдной,
 Въ дыму, гдѣ воздухъ рветъ картечь,
 Оно зоветъ: за мечь! за мечь!
 Скажите: этотъ крикъ побѣдный—
 Не тотъ-ли, что сзывалъ къ врагу
 На Андалузскомъ берегу?

XXXVIII.

Но, чу! раздался топотъ конный...
 Звукъ битвы... гуль... Кого-же тамъ
 Сражаетъ мечъ окровавленный?
 Ужель тиранамъ и рабамъ
 На жертвы кините вы братій?
 Огонь ружейный между скалъ
 Не мало бѣшенныхъ проклятій,
 Не мало жизней вырываетъ.
 Смерть проносилась, какъ широко,
 То съ той, то съ этой стороны.
 Покрытый кровью, богъ войны
 Ногой билъ въ землю—и далеко
 Людей во всѣхъ концахъ земли
 Удары эти потрясли.

XXXIX.

А тамъ, съ горы на бой ужасный
 Глядитъ Гигантъ—и грозенъ онъ,
 И цвѣтъ волосъ кроваво—красный
 Румянымъ солнцемъ озаренъ.
 Смерть разносилъ онъ каждымъ взглядомъ,
 Все на пути палилъ и жегъ,
 А у его желѣзныхъ ногъ

7*

Духъ Разрушенья видѣнь рядомъ:
 Онъ отиѣчалъ дѣянья зла.
 Въ тотъ день три сильныя державы
 Сюда рука его свела
 Лить кровь рѣкою для забавы,
 И съ наслажденьемъ ждеть колоссъ,
 Чтобъ больше крови пролилось.

XL.

Клянусь,—для всѣхъ, кто на сраженьи
 Друзей и братьевъ не встрѣчалъ, —
 Великолѣпное смѣшенье
 Характеръ битвы представлялъ.
 Вилися шары и, блистая,
 Мелькалъ огонь надъ головой,
 И словно псовъ явилась стая
 И подняла зловѣщій вой.
 Всѣ ждуть побѣдъ, облитыхъ кровью,
 Добычи ждуть,—но много силъ
 Погибло жертвою могилъ,
 И Разрушенья духъ съ любовью
 За ихъ паденіемъ слѣдилъ
 И падшимъ трупамъ счетъ сводилъ.

XLI.

Три арміи для грозной битвы,
 Для смертныхъ жертвъ сошлись тамъ;
 Три племени свои молитвы
 Шлютъ дикимъ воплемъ къ небесамъ.
 Подъ небомъ чистымъ и лазурнымъ
 Знамена вьются, пыль стоитъ,
 И вотъ впередъ потокомъ бурнымъ
 Идутъ—Французъ, Испанецъ, Бритъ;
 Врагъ, жертва и союзникъ нѣжный
 На битву общую пришли,
 Какъ будто дома не могли
 Дождаться смерти непзбѣжной,

Сошлись, что-бъ язвами ихъ ранъ
Потомъ питался хищный вранъ.

XLII.

И здѣсь сгніють безумцы эти!
Гдѣ жъ слава ихъ? — одинъ туманъ.
Они орудьемъ были въ свѣтѣ
Въ рукахъ тирановъ. Ты, тиранъ,
Себѣ дорогу прологашь
По человѣческимъ костямъ,
А для чего?—и самъ не знаешь
Далъ волю бѣшеннымъ страстямъ.
Бому жъ мила деспотовъ злоба?
И есть-ли въ мірѣ уголокъ,
Гдѣ-бъ каждый хищный деспотъ могъ
Найти покой, лишь кромѣ гроба,
Гдѣ онъ сотрется скоро въ прахъ,
Не наводя на смертныхъ страхъ?

XLIII.

О, Альбуэрскія равнины,
Гдѣ скорбь оставила печать?
Кто-бъ угадалъ, что здѣсь дружины
Сойдутся въ битвѣ умирать!
Миръ павшимъ! Пусть триумфъ побѣдный
И громкой славы'письмена
Въ вѣка, какъ лучшій даръ наслѣдный,
Перенесутъ ихъ имена.
Пока мы новыхъ битвъ не видимъ,
Не видимъ новыхъ похоронъ —
Къ тебѣ на встрѣчу Альбіонъ
Мч съ мимолетнымъ гимномъ выйдемъ
И, хоть недолго, можетъ быть,
Ты въ нашихъ пѣсняхъ будешь жить.

XLIV.

Но о любимцахъ войнъ забудемъ,
О нихъ напрасно толковать...

Пускай капризъ приходитъ людямъ
 По приказанью умирать.
 Пусть мы наемщиковъ лишились, —
 О нихъ мы плакать не должны:
 Въдъ еслибъ жить они остались,
 То для позора всей страны.
 Тогда бъ ихъ роли были жалки,
 Они погибли бъ безъ слѣда,
 Безъ угрызений, безъ стыда
 Въ какой нибудь домашней свалкѣ
 Иль съ окровавленнымъ ножемъ
 Всѣ занялись бы грабежемъ.

XLV.

Гарольдъ идетъ — и предъ собою
 Севилью видитъ. Какъ всегда,
 Она не кажется рабою,
 Еще свободна и горда.
 Но близокъ часъ ея страданій,
 Ворвутся полчища врага
 И до ступеней чистыхъ зданій
 Коснется грязная нога,
 Скуются цѣпи для рабыни...
 Часъ страшный! Незбѣженъ онъ, —
 Иначе бъ Тиръ и Иліонъ
 Существовали бы до нынѣ
 И добродѣтель вокругъ цвѣла,
 И въ мірѣ не было бы зла.

XLVI.

Но тамъ бѣды еще не чуетъ
 Въ безумныхъ оргіяхъ народъ,
 Позоръ отчизны не волнуетъ
 Тебя, севильскій патріотъ.
 Здѣсь нѣтъ воинственнаго жара,
 Молчитъ призывный рогъ войны
 И только слышется гитара
 Въ часы полночной тишины. —

Для сладострастнѣйшѣ наслажденій
И дни и ночи на пролетъ
Безумно молодость живеть;
Среди безмолвныхъ преступленій
И дряхлыхъ каменныхъ громадъ
Лишь только властвуетъ развратъ.

XLVII.

Не такъ живется селянину.
Боятся видѣть онъ съ женой
Полей печальную картину,
Полей, ограбленныхъ войной.
Фанданго звуки замолчали,
Веселыхъ пѣсень нѣтъ въ дали..
Монархи! если-бы вы знали
О чистыхъ радостяхъ земли,
То сладкой прелестью обмана
Въ себѣ васъ слава не звала
И за собою не вела,
И рѣзкій грохотъ барабана
Насъ навсегда забылъ будить,
И человекъ могъ счастливъ быть.

XLVIII.

Какія-жъ пѣсни распѣвають
Теперь погонщики быковъ?
Любовь-ли, славу-ль прославляютъ?
Нѣтъ, смыслъ ихъ пѣсень не таковъ.
Иные звуки и тревоги...
Перемѣнилась скоро роль, —
Они поютъ лишь по дорогѣ
Одно: да здравствуетъ король! (*)
Иль шлютъ проклятiя Годюю,
Безумцу Карлу иль тому,
Кто сталъ (нѣтъ имени ему!)

(*) Viva el rey Fernando! Да здравствуетъ король Фердинандъ. Это противъ большей части испанскихъ патротическихъ пѣсень, которыя направлены противъ старого короля Карла, королевы и принца Мира.

Предъ королевой молодою,
И эта падшая жена
Была въ порокъ увлечена.

XLIX.

Среди долинъ, межъ скалъ гигантскихъ,
Гдѣ и теперь еще видны
Обломки замковъ Мавританскихъ,
Остался грозный слѣдъ войны.
Слѣдъ лошадиного копыта
Избороздилъ красу луговъ,
Все поле ядрами изрыто:
Здѣсь, говорятъ, былъ станъ враговъ;
И здѣсь крестьяниномъ отважнымъ
Былъ не одинъ драгунъ сраженъ
И всѣмъ теперь укажетъ онъ
На это мѣсто съ видомъ важнымъ,
Увѣривъ, что верхи тѣхъ скалъ
Не разъ одинъ онъ съ бою бралъ.

L.

При встрѣчѣ здѣсь видна на всякомъ
Кокарда красная, — она
Служить для всѣхъ условнымъ знакомъ
Во всей странѣ теперь должна.
Кто не надѣлъ кокарды красной —
Тому бѣда; будь юнъ иль старъ —
Онъ начинаетъ путь опасный:
Здѣсь ножъ остеръ, здѣсь быстръ ударъ.
И горе гальскому солдату,
Когда надъ нимъ бы засверкалъ
Коварно спрятанный кинжалъ,
И обнаженному булату
Не страшень сталь-бы громъ траншей
И блескъ французскихъ палашей.

(*) Красная кокарда съ именемъ Фердинанда VII.

LI.

Тамъ, высоко, съ вершинъ Морены
 На поворотахъ, изъ за скалъ,
 Глядятъ твердынь могучихъ стѣны,
 Рядъ батарей,—и взоръ встрѣчалъ
 Рвы затопленные повсюду,
 Построекъ крѣпкихъ образцы,
 Изъ ядеръ сложенную груду,
 Рогатокъ острыя зубцы.
 Тамъ стражи грозныя фигуры
 И группы взызданныхъ коней,
 Тамъ подъ ущельемъ, межъ камней,
 Для боевыхъ запасовъ фуры
 И возлѣ пушки боевой
 Курится фитиль роковой.

LII.

Ждутъ битвы, царства слезъ и мрака;
 Но тотъ, кто троны низвергалъ,
 Еще рукой не подалъ знака,
 Еще странѣ онъ отдыхъ далъ,
 Но скоро жадные къ разбою
 Сюда придутъ его рабы
 И скоро западъ надъ собою
 Увидитъ грозной бичъ судьбы.
 Испанцы! Слабы всѣ усилъя!
 Для васъ печальный день придетъ —
 Лишь галльскій коршунъ развернетъ
 Съ побѣдоноснымъ воплемъ крылья
 И станетъ въ битвахъ умирать
 Испанцевъ доблестная рать.

LIII.

Ужель погибнуть эти силы
 И этой молодости цвѣтъ?
 Межъ рабствомъ и дверьми могилы

Ужель иной середины гнѣтъ?
 Ужель насиліе жестоко
 Поработитъ кругомъ народъ
 И никогда до слуха Рока
 Мольба испанцевъ не дойдетъ?
 Напрасны ль—храбрость и забота
 Въ чертахъ геройскаго лица
 И наставленья мудреца,
 И увлеченье патріота,
 И обнаженный къ битвѣ ножъ,
 Съ которымъ рвется молодежь?

LIV.

Къ чему-жь, гитару покидая,
 Забывъ стыдливость и покой,
 Теперь испанка молодая
 За мечъ хватается рукой?
 Забыты женскія приманки
 И новымъ мужествомъ горды,
 Кругомъ становятся испанки
 Съ своими братьями въ ряды;
 И тѣ, которые когда-то
 Боялись самыхъ легкихъ ранъ,
 Вступивъ ногой въ военный станъ,
 Подставляютъ грудь подъ штыкъ солдата
 И на рѣзню сквозь дымъ и смрадъ,
 Какъ Марсы юные глядятъ.

LV.

Но если-бъ ихъ вы увидали
 Не въ дни войны, когда на васъ
 Изъ подъ таинственной вуали
 Глядѣла нѣжно пара глазъ
 И у окна въ часы досуга
 Могли подмѣтить—очеркъ рукъ
 И прелесть формъ, и профиль юга,
 Могли услышать рѣчи звукъ,
 То не подумали бы всѣ вы

Увидѣть съ трепетомъ цотомъ
 У Сарагоскихъ стѣнъ съ мечемъ
 Воинственной испанской дѣвы,
 Гдѣ и спокойна и строга
 Она съ оружемъ ждетъ врага.

LVІ.

Любовникъ палъ — она не плачетъ,
 Начальникъ мертвъ — она спѣшитъ,
 Она вождемъ побѣднымъ скачетъ,
 Она трусливаго стыдитъ
 И вновь на битву возвращаетъ.
 Никто такъ грозно, какъ она,
 За смерть вождей не отомщаетъ,
 Не будить слабаго отъ сна.
 Испанка смѣло пробуждала
 Надежды спавшія въ груди
 И съ браннымъ крикомъ впереди
 Сама преслѣдовала Галла,
 Когда бѣжалъ безславно онъ
 Рукою женщинъ пораженъ..

LVII.

Но все-жъ породы Амазонокъ
 Чужда испанская жена,
 Она съ ребяческихъ пеленокъ
 Служить лъбви осуждена,
 И если въ битвѣ неизбежной
 За мечъ бралась ея рука —
 То это-месть голубки нѣжной
 За смерть роднаго голубка.
 Любовь и гнѣвъ—въ ней все безцѣнно,
 И съ ней-ли я теперь сравню
 Пустыхъ красавицъ болтовню, - -
 Въ которыхъ все обыкновенно:
 Онѣ равны съ ней въ красотѣ,
 Но души, души ихъ не тѣ...

LVIII.

На явкахъ щекъ — слѣды дыханья —
 Амуръ лишь смѣлъ на нихъ дохнуть;
 Уста, гдѣ спрятались лобзанья
 Сейчасъ готовы спорхнуть,
 Казалось, шепчуть, что опасно
 Лобзанья нѣжныя срывать.
 А взоръ... какъ дико и прекрасно
 Блеститъ и жжетъ!.. О, Фебъ, не трать
 Лучей и солнечнаго жара,
 Чтобъ повредить загоромъ ей: —
 Еще прекраснѣй и свѣжѣй
 Она выходитъ изъ загара
 И передъ ней скучны, блѣдны —
 Всѣ дамы сѣверной страны.

LIX.

Востокъ, прославленный по свѣту!
 Гаремы знойной той страны,
 Гдѣ самъ пою я пѣсню эту
 Въ честь красоты! (предъ ней должны
 Всѣ циники во прахъ склоняться!)
 Ведите же меня теперь
 За ту таинственную дверь,
 Гдѣ ваши гуріи хранятся,
 Гдѣ даже воздухъ стерегутъ
 Въ закрытой спальнѣ мусальманской.
 Гдѣ-жъ ваши гуріи? Кто тутъ
 Сравнится съ женщиной испанской?
 Такими женщинами могъ
 Наполнить рай лишь вашъ пророкъ... (*)

LX.

Парнасъ! Тебя я вижу нынѣ
 Не въ смутной грезѣ прежнихъ дней,

(*) Этотъ стансъ былъ написанъ Байрономъ въ Турціи.

Но съ вѣчнымъ снѣгомъ на вершинѣ,
 Подъ небомъ родины твоей,
 Во всемъ твоёмъ величьи дикомъ!
 Не ставь же мнѣ теперь въ вину,
 Что я смутилъ невольнымъ крикомъ
 Твою святую тишину.
 Не я одинъ достоинъ смѣха —
 Вѣдь каждый скромный пилигримъ
 Привыкъ здѣсь голосомъ своимъ
 Отъ сна будить, тревожить эхо,
 Хоть давно съ твоихъ высотъ
 Не сходятъ музы къ намъ въ народъ.

LXI.

Я зналъ тебя въ мечтахъ когда-то
 Давно, (кому не вѣдомъ ты —
 Не знаетъ тотъ, что въ жизни свято.)
 Теперь я здѣсь! Сбылись мечты,
 Но я молчу, позабывая
 Все, что хотѣлъ сказать въ стихахъ;
 Поэтовъ древнихъ вспоминая,
 Могу лишь только пасть во прахъ,
 Не смѣя выговорить слова;
 Дрожа, волнуясь и любя,
 Могу смотрѣть лишь на тебя
 Сквозь ризу облачнаго крова
 И молча думать въ этотъ часъ:
 Я вижу, наконецъ, Парнасъ!..

LXII.

Счастливей всѣхъ поэтовъ, нынѣ
 Еще не знавшихъ этихъ мѣстъ,
 Могу-ль не чувствовать святости
 Во всемъ, что вижу здѣсь окрестъ?..
 Хоть въ темный гротъ къ себѣ на ложъ
 Теперь не сходить Аполлонъ,

И ты, жилище Музъ, похоже
 На темный гробъ со всѣхъ сторонъ,
 Но здѣсь у храма вдохновеній,
 Въ тѣни пещеръ, въ дышаньи водъ
 Еще витаетъ и живетъ
 Какой-то кроткій, добрый геній
 И въ этой мертвой тишинѣ
 Скользитъ незримо по волнѣ.

LXIII.

Парнасъ! Къ тебѣ поднявши руки,
 Я позабылъ, обворожень,
 Страну, гдѣ слышны цѣпи звуки
 И стоны юношей и женъ!
 Я передъ тобой лежалъ на камнѣ,
 Роняя слезы на песокъ,
 Но мой рассказъ начать порѣ мнѣ,
 А ты... ахъ, если бъ только могъ
 Я здѣсь сорвать хоть листъ лавровый
 Отъ вѣтки Даоны, чтобъ опять
 Я могъ съ успѣхомъ воспѣвать
 Тебя въ стихахъ, Парнасъ суровый,
 Чтобъ въ чуткой памяти пѣвца
 Ты жить могъ долго, до конца.

LXIV.

Но никогда въ дни прежней славы
 Ни ты, краса всѣхъ нашихъ горъ,
 Ни жрицы Дельфовъ (величаво
 Здѣсь неся ихъ пифійскій хоръ)
 Такого зрѣлища не знали,
 Когда оружемъ овладѣвъ,
 Игралъ клинкомъ блестящей стали
 Рядъ андалузскихъ женъ и дѣвъ.
 Въ нихъ пышетъ зной желаній жгучихъ,
 Но дѣти юга лишены
 Награды греческой страны —
 Уединенья роцъ пахучихъ,
 Хоть нынче въ Греціи мнѣтъ
 Минувшей славы прошлыхъ лѣтъ.

LXV.

Севилья гордая и красота
 Богатством, драгоценностью своей,
 Бадиксъ съ ней сравнить опасно,
 Хотя Севилья она милѣй...
 О, взоръ чарующій парона!
 Какую юность не смущаетъ
 Его магическое око!
 Чье сердце онъ не обольститъ!
 Въ комъ кровь кипитъ въ здоровой груди,
 Того змѣей онъ обовьетъ
 И тихо въ пропасть увлечетъ,
 Для всѣхъ мѣняя по причудѣ
 Свой обольщающій нарядъ,
 Улыбки нѣжныя и взглядъ.

LXVI.

Когда Сатурнъ въ безстрастномъ гнѣвѣ
 Косою Падосъ поразилъ,
 (Сатурнъ и самой королевы
 Не разъ косою своею грозилъ)
 Тогда забавы и веселье
 Нашли приютъ въ странѣ тепла,
 Тогда сюда на новоселье
 Венера храмъ перенесла
 И здѣсь за бѣлыми стѣнами
 Она поставила свой тронъ.
 Но что ей храмъ? Со всѣхъ сторонъ,
 Блистая яркими огнями,
 Вкругъ отъ зари и до зари
 Предъ ней курились алтари.

LXVII.

Всю ночь, до самаго разсвѣта
 Кипитъ здѣсь предникъ красоты,

Подъ звукъ гитаръ и кастаньета
 Народъ наряженный въ цвѣты
 Поетъ при пляскѣ молодежи,
 Не встрѣтишь хмураго лица,
 Сегодня пиръ и завтра тоже
 И не видать нирама конца.
 Слѣдовъ нѣтъ скорби и кручины,
 И горькихъ слезъ—ни здѣсь, ни тамъ,
 Лишь стерегутъ свой омиамъ
 Одни сѣдые капуцины
 И шевелить здѣсь всѣхъ равно
 Любовь съ молитвой за одно.

LXVIII.

Вотъ день воскресный. Чѣмъ займется
 Народъ въ день отдыха теперь?
 Но, чу! рычанье раздается:
 То царь лѣсовъ, могучій звѣрь.
 Онъ нодри вздулъ; съ кровавой пѣной
 Терзаетъ всадниковъ, коней...
 Толпа повисла надъ ареной,
 Но только радость будать въ ней,
 Она въ восторгъ замираетъ,
 Когда оплошваго врага
 Быкъ поднимаетъ на рога
 И къ верху трупъ его бросаетъ,
 А дамы смотреть въ этотъ часъ
 Не отварачивая глазъ.

LXIX.

И вотъ онъ день седьмой недѣли!
 Но такъ-ли Лондонъ чтить тѣ дни?
 Наряды чистые надѣли
 Всѣ классы общества; они,
 Покинувъ зданій темныхъ стѣны,
 Бѣгутъ всѣ воздухомъдохнуть,

Чтобъ освѣжить большыя члены,
 Чтобъ разъ въ недѣлю отдохнуть.
 Въ сѣняхъ огромныхъ, въ пыльномъ ковѣ
 Все что и юно и старо
 Слѣпятъ въ Гемпстедъ или въ Гэре,
 Чтобъ вспомнить вновь о синемъ ковѣ,
 Межъ тѣмъ, какъ сзади пѣшеходъ
 Съ ревнивой завистью идетъ.

LXX.

На Темзѣ—лодки; въ лодкахъ—дамы,
 На нихъ цвѣты, узоры блондъ;
 Инымъ же хочется упрямо
 Идти въ Гейгетъ или въ Ричмондъ.
 Куда же ихъ ведетъ дорога?
 Я расскажу,—къ чему скрывать!—
 Онъ спѣшать на праздникъ Рога (*)
 Ему мольбы свои шептать.
 Тамъ онъ внималъ молениямъ страннымъ
 Отъ многихъ юношей и жемъ,
 Тамъ рядъ признаній окропленъ
 Бывалъ виномъ благоуханнымъ,
 Смѣнялась музыкой игра
 И танцы длились до утра.

LXXI.

Свои безумства—въ каждомъ краѣ.
 И ты, Кадиксъ, подверженъ имъ:
 Лишь вспыхнетъ день,—перебирая
 Гранаты четоковъ, пилигримъ
 Предъ ликомъ Дѣвы Непорочной,

(*) Здѣсь Байронъ намекаетъ на сильный обычай, бывший когда-то въ употребленіи въ трактирахъ Гейгета: этотъ обычай заставлялъ всѣхъ посѣтителей передъ двумя рогами произносить такую клятву: никогда не буду цѣловать служанку, если можно цѣловать хозяйку; не стану пить легкаго пива, если возможность пить крѣпкое, и т. п. клятвы, въ томъ же комическомъ родѣ.

(Она одна во всей странѣ)
 Въ своемъ образѣ везуду точный,
 Стоитъ, склонившись въ тишинѣ...
 Онъ за людей творитъ меленны,
 Но часъ насталъ—и въ ширкъ идетъ
 Такъ жадный къ зрѣлищамъ народъ.
 Весь городъ, всѣ безъ исключенья,
 Перемѣшавшись межъ собой,
 Идутъ смотрѣть кровавый бой.

LXXII.

Вотъ сцена зрителямъ предстала.
 Арена дѣйствія пуста;
 Еще труба не прозвучала,
 Но всюду заняты мѣста,
 Повсюду гранды и вельможи
 И вереница донь и дамъ—
 Приманка бойкой молодежи,
 Мелькавшихъ вкругъ по ихъ слѣдамъ.
 А взоры женщинъ тагъ лукавы...
 Но никогда прекрасный взглядъ
 Не гналъ поклонниковъ назадъ,
 Хотя пѣвцы луны и славы
 Рѣшаютъ, что женщинъ гордый взоръ
 Для сердца—смертный приговоръ.

LXXXIII.

Шумъ замеръ, стихли разговоры,
 И всадники въѣзжаютъ въ кругъ.
 Въ рукахъ ихъ копыя, блещутъ шпоры,
 Они раскланялись вокругъ,
 Готова публику къ потѣхамъ,
 А публика ужъ ждетъ съ утра,
 Когда окончится съ успѣхомъ
 Бойцовъ опасная игра.

Тогда ихъ встрѣтятъ общимъ плескомъ,
Ихъ поощрять и здѣсь и тамъ
Улыбки, взгляды гордыхъ дамъ...
Съ такимъ триумфомъ, съ этимъ блескомъ
Бороль встрѣчается, порой,
Иль самъ увѣчанный герой.

LXXXIV.

Нарядный, мантией блистая,
Стоитъ проворный матадоръ,
Царя лѣснаго поджидая,
Онъ вдругъ себя бросаетъ взоръ,
Чтобъ осмотрѣть просторъ арены,
(Въ его рукъ—одинъ кинжалъ)
Чтобъ убѣжать ему со сцены
Ни кто отъ звѣря не мѣшалъ.
Повсюду пѣшій, съ шарфомъ краснымъ,
Онъ звѣря издали дразнилъ,
Онъ только издали шутилъ
Надъ непріятелемъ опаснымъ
И вызывалъ его на бой,
Раскинувъ шарфъ передъ собой.

LXXXV.

Вотъ поданъ знакъ,— труба гремѣла,
Широко распахнулась дверь,—
Толпа какъ будто онѣмѣла:
На сцену разомъ прынулъ звѣрь.
Глазами медленно вращаетъ,
Взрывая подъ собой песокъ,
Но на врага не нападаетъ—
Онъ разглядѣть его не могъ.
Какъ будто, что соображая,
Глазами красными кругомъ
Поводить, жертву поджидая
И стали грозно-велики
Его кровавые зрачки.

LXXVI.

Но вдругъ онъ сталъ съ недвижнымъ взоромъ.
 Бѣги, безумецъ, этихъ глазъ!
 Побѣднымъ лавромъ иль позоромъ
 Тебѣ грозитъ ужасный часъ...
 Проворно всадники мелькають,
 Удары сыплютъ на быка,
 Струями крови покрываютъ
 Его широкіе бока.
 Онъ мчится, вертится, крутится,
 Отъ ранъ онъ бѣшенѣе сталъ;
 Кинжалъ сверкнулъ, другой кинжалъ,
 Въ его спинѣ копьѣ дымится,
 И быкъ подъ градомъ смертныхъ стрѣлъ
 Съ мычаньемъ дикимъ заревѣлъ.

LXXVII.

Ревъ грозный вырвался изъ груди,
 Но онъ опять впередъ бѣжить...
 Ему-ли страшны эти люди?
 Его-ль оружье устрашить?
 Ужъ конь одинъ убить, какъ муха,
 Другой... видъ страшный для меня:
 Черезъ распоротое брюхо
 Видна вся внутренность коня.
 Но онъ не падаетъ отъ боли,
 Хотя качаясь, онъ бѣжить
 И изъ бѣды спасти спѣшить
 (Въ послѣдній разъ теперь, не болѣ)
 Того, кого въ дни прежнихъ силъ
 Онъ на хребтѣ своемъ носилъ.

LXXVIII.

Въ крови, усталый и взбѣшенный
 Ножами, копьями покрытъ,
 Вдругъ словно къ мѣсту пригвожденный

Быкъ сталъ и вдругъ себя глядитъ.
 И вотъ тогда врага извѣря,
 Кровавымъ шаромъ матадоръ
 То издали задразнить звѣря,
 То подбѣжить къ нему въ упоръ.
 Въ послѣдній разъ царь стада мчится,
 Въ зрачкахъ его зажглась гроза —
 Но плащъ закрылъ ему глаза
 И звѣрь испуганный кружится.
 Конецъ! со всѣхъ могучихъ ногъ
 Онъ упадаетъ на песокъ.

LXXIX.

Между хребтомъ и шей разомъ
 Кинжалъ вошелъ по рукоять;
 Герой упалъ, а вокругъ съ экстазомъ
 Сталъ весь народъ рукоплескать.
 Безъ стонувъ, безъ предсмертной муки
 Звѣрь на аренѣ умираетъ;
 При общемъ грохотѣ и стукѣ
 Богатый поѣздъ выѣзжалъ.
 На колесницѣ помѣщаютъ
 Кровавый трупъ героя дня;
 Четыре бойкія коня
 (Они удилъ стальныхъ не знаютъ)
 Изъ роковаго круга мчатъ
 Быка убитаго назадъ.

LXXX.

Вотъ наслажденья и забавы
 Испанскихъ грандовъ, гордыхъ дѣвъ!
 Ихъ тѣшитъ кровь сильнѣе славы,
 Знакомъ имъ съ дѣтства мести гнѣвъ.
 Не разъ кровавые раздоры
 Испанецъ въ тайнѣ затѣвалъ,
 Не разъ въ пылу минутной ссоры
 Онъ землю кровью обливалъ.
 Хоть на врага роднаго края
 Единодушно всталъ народъ,
 Но дома онъ на мѣсть идетъ

И, черныи умыселъ скрывая,
 Не разъ онъ другу измѣнялъ,
 Въ него вонзая свой кинжалъ.

LXXXI.

Но прежней ревности дозоры,
 Замки, рѣшотки на окнѣ,
 Дуэньи старыя, запоры —
 Ихъ нѣтъ ужъ больше въ той странѣ.
 До дней войны, до дней невзгоды,
 Когда гроза еще не шла,
 Счастливой дочерью свободы
 Испанка каждая была.
 Съ косою распущенной, бывало,
 Она топтала пышный лугъ,
 То съ быстротою мчалась вдругъ,
 То въ страстномъ танцѣ замирала,
 А на испанку съ вышины
 Лился прозрачный свѣтъ луны.

LXXXII.

Не разъ Гарольдъ любилъ, иль вѣрилъ,
 Что любить онъ, но въ тѣ года
 Онъ предъ собой не лицемѣрилъ,
 Не увлекался никогда.
 Любви желанья и усилья
 Не шевелятъ его души,
 И у Амура только крылья
 Ему казались хороши;
 Хоть онъ красивъ и вѣчно молодъ,
 Но наслажденій тайныхъ дно
 Всегда печально и темно, —
 Тамъ скрыты горечь, тьма и холодъ...
 Такъ иногда цвѣты хранять
 Неизлечимый, тонкий ядъ.

LXXXIII.

Но прелесть формъ не отвергая,
 Онъ какъ философъ ихъ цѣнилъ,

(Хоть всѣхъ философовъ пугая,
 Прекрасный образъ не манилъ),
 Страсть утомляя, убѣгаетъ
 И сладострастія порокъ
 Ему могилу вырываетъ
 И губить насъ въ короткій срокъ...
 О, жертва тьмы и пресыщенья!
 Тебѣ не вѣдома любовь,
 Тебѣ волнуетъ только кровь
 Неумолимое презрѣнье;
 Проклятье Каина легло
 Въ тебѣ на гордое чело.

LXXXIV.

Онъ одиноко шелъ въ народѣ,
 Хоть мизантропомъ не смотрѣлъ,
 Въ весельи общемъ, на свободѣ,
 Порой, забыться онъ хотѣлъ,
 Но улыбнется-ль тотъ хоть дважды,
 Чья жизнь разбита, темень путь?...
 Онъ цѣпи демона однажды
 Хотѣлъ на мигъ съ себя стряхнуть
 И въ спальнѣ женщины прекрасной
 Невольно пѣсню ей сложилъ,
 Онъ въ этой женщинѣ цѣнилъ
 Красавицъ прежнихъ, образъ ясный
 Подруги первой, — даже съ той
 Она равнялась красотой:

И н е с ѣ .

1.

Не улыбайся мнѣ! Тебѣ бы, — видитъ Богъ, —
 Своей улыбки я въ отвѣтъ бы не принесъ,
 Но Бога я молю, чтобъ Онъ тебя сберегъ
 Отъ бесполезныхъ слезъ.

2.

Ты хочешь знать давно — о чемъ моя печаль,
 Которой никогда я не могу забыть!
 Не спрашивай о томъ: тоску мою едва-ль
 Кто можетъ излечить.

3.

Нѣтъ, не слѣды любви, не ненависти власть,
 Не честолюбія обманутаго пылъ,
 Заставили меня все прогнать и власть,
 Что въ жизни я цѣнилъ.

4.

То — пресыщеніе; оно теперь слѣдитъ
 За мной, какъ тать, вездѣ... Въ душѣ разбитой — тьма,
 И красота меня ужъ больше не цѣнитъ —
 И даже — ты сама.

5.

Во мнѣ живетъ печаль и ту печаль носилъ
 Въ себѣ самъ Вѣчный Жидъ, скитаясь сотни лѣтъ;
 Въ одной могилѣ-бѣ я тоску свою забылъ,
 Но до могилы — нѣтъ.

6.

И кто-жъ съ охотою въ изгнаніе бѣжитъ?...
 О, гдѣ бы не былъ я — печаль одна и та жъ!
 Бичъ жизни — мысль моя вездѣ, вездѣ стоитъ
 Передо мной, какъ стражъ.

7.

А вокругъ всѣ веселы — что не доступно мнѣ,
 У всѣхъ есть радости — я ихъ не назову...
 О, пусть же знаютъ всѣ лишь въ мимолетномъ снѣ,
 Что зналъ я на яву.

8.

Не часто новыхъ странъ мнѣ нужно пробывать,
 И часто, много разъ я оглянусь назадъ,
 Моей отрадою осталось — лишь считать
 Страданій прошлыхъ рядъ.

9.

Изъ сожалѣнiя ко мнѣ и изъ любви —
 Не спрашивай, о чемъ душа моя скорбитъ!
 Нѣтъ, съ сердца моего ты маски не срами —
 Подъ маской адъ кинитъ.

LXXXV.

Прости, Кадиксъ! Мы не забудемъ,
 Какъ защищался ты у стѣнъ,
 Мы долго, долго помнить будемъ,
 Чѣмъ искушала ты тяжкій плѣнь.
 Въ твоемъ возстанiи народномъ
 Дышала правдивый гнѣвъ и страсть:
 Ты первый былъ — чтобъ быть свободнымъ,
 Ты былъ послѣднимъ — чтобы пасть!
 Но если же въ пылу борея
 Весь городъ кровью истекалъ —
 Одинъ измѣнникъ только палъ,
 Какъ жертва тяжкаго отмщенья;
 За всю страну возсталъ народъ, —
 Лишь гнулъ вельможа свой хребетъ.

LXXXVI.

Судьба испанскаго народа
 Была всегда для насъ страна:
 Ему невѣдома свобода,
 Но за ее дралась страна.
 Народъ стоялъ за честь и славу,
 Которыхъ нѣтъ въ родномъ краю,
 За изнуренную державу
 Слагалъ онъ голову свою.
 Великiй, гордый, непреклонный,
 Свободой бредитъ онъ во снѣ,
 И рвется вновь къ борьбѣ, къ войнѣ
 Герой, недавно побѣжденный;
 Хоть на ножахъ ему нужна
 Неукротимая война. (*),

(*) „Война хоть на ножахъ!“ отвѣтъ Палафокса французскому генералу при осадѣ Сарагоссы.

LXXXVII.

Въ ужасы народной мести
 (Здѣсь вѣшь свобода дорога)
 Соединились дружно вмѣстѣ
 Для кары чуждаго врага.
 Готовъ весь край безъ содраганья
 Начать кровавую игру,
 Чтобъ защитить отъ поруганья
 Жену свою, свою сестру.
 Здѣсь все равно — ударъ открытый
 Иль потайной ударъ ножа...
 Здѣсь каждый мщеньемъ дорожа,
 Следить, какъ умеръ врагъ убитый...
 О, еслибъ всюду, всюду такъ
 Караемъ былъ преступный врагъ!..

LXXXVIII.

Но намъ ли плакать здѣсь отъ муки?
 Въ равнинѣ трупы... смертный стонъ...
 Въ крови, — смотрите, — эти руки,
 Въ святой крови испанскихъ женъ!
 Пусть псы одни грызутъ ихъ смѣло,
 Пусть коршунъ рветъ глаза съ ихъ лицъ,
 Хотя ихъ мерзостное тѣло
 Едва ль достойно хищныхъ птицъ.
 Пусть кости ихъ, пусть трупы эти
 И кровь, которой не стерѣть,
 Потомки сходятся смотрѣть,
 И пусть увидятъ наши дѣти
 (И содрогнутся ихъ умы)
 Все то, что нынче видимъ мы.

LXXXIX.

Но нѣтъ, еще не смолкли стоны,
 Опять польется скоро кровь.
 Вдали мы видимъ легионы
 И горизонтъ темнѣетъ вновь.
 Испанія! Твоей свободы

Ждетъ рядъ изнывшихъ въ рабствѣ страны!
 И ты, свободная, народы
 Освободишь отъ долгихъ рагъ,
 Скорѣй чѣмъ самые Пизарры
 Ихъ покорять... Но ты пока
 Еще раба... Судьбы рука!
 Жестоки такъ твои удары!
 И эта вольная страна
 Еще въ цѣпяхъ ходить должна.

ХС.

Ни трупы павшихъ въ Тамаверѣ,
 Ни при Бароссѣ рядъ могилъ,
 Ни жертвы битвѣ при Альбуэрѣ
 Не сберегли народа силъ.
 Когда жъ очнется онъ отъ гнета?
 И разцвѣтутъ его сады?
 Давно онъ ждетъ, онъ ждетъ чего-то,
 Но много черныхъ дней бѣды
 Еще испанцамъ предстоило,
 Пока не кинетъ хищный Галлъ,
 Поля, гдѣ все онъ разорялъ;
 Пока земля, гдѣ все завяло,
 Не дастъ завѣтнаго плода
 Свободы, счастья и труда.

ХСІ.

А ты, ты другъ моей печали! (*)
 Когда погибъ-бы ты въ борьбѣ
 За бѣдный край, тогда едва-ли
 Я пожелѣлъ бы о тебѣ.
 Но умереть безславно, сиро,
 Безъ пышныхъ лавровъ, въ тишинѣ,
 Чужимъ для жизни и для міра,
 Оставивъ память только мнѣ!...
 Твой прахъ сложили, яму роя,
 Съ бойцемъ, искавшимъ смерть въ бою...
 Зачѣмъ же голову твою

(*) Джонъ-Уингемъ, англійскій офицеръ, одинъ изъ лучшихъ друзей Байрона, умершій отъ лихорадки.

Не удивлять вѣнецъ герой?
Ты, какъ и всѣ, носить бы моръ
Героя падшаго вѣнокъ.

XСІ.

О старшій другъ, всѣхъ больше милый!
Пусть смерть теперь въ твоей груди —
Пусть отъ меня ты взять могилой —
Ты хоть во снѣ ко мнѣ прійди!
А утромъ вновь польются слезы
И вновь печаль придетъ назадъ,
Мои таинственныя грезы
Бъ твоей могилѣ полетятъ,
Лѣтая тамъ у двери гроба,
Онѣ исчезнуть лишь тогда,
Когда подъ камнемъ навсегда
Въ молчаньи вѣчномъ лягутъ оба —
И тотъ, кто горько слезы лилъ,
И тотъ, кто имъ оплаканъ былъ.

XСІІ.

Вотъ пѣсня первая романа.
Романа этого конецъ,
Конечно, поздно или рано,
Представить публикѣ пѣвецъ.
Но здѣсь закончить не пора-ли?
Быть можетъ, критикъ такъ рѣшилъ.
Постойте! вы не все узнали!
Въ иныхъ странахъ герой нашъ былъ,
Въ странахъ, гдѣ видимы донинѣ
Слѣды глубокой старины
И гдѣ еще пощажены
Великой Греціи святыни:
Ихъ оставляла жить вѣка,
Не тронувъ, варваровъ рука.

конецъ 1-й пѣсни.

Дмитрій Минаевъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

6
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ЯНВАРЬ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1864.